

ТРУД
Г. Москва

14 ФЕВ 1988

— Был в моей жизни случай: в Лондоне я познакомился с человеком, который, основательно поработав в советских музеях и библиотеках, подготовил и впервые издал подлинную партитуру величайшего произведения русского оперного искусства «Бориса Годунова». Подлинную — значит, не искаженную временем и вмешательством других композиторов, написанную рукой тридцатилетнего Модеста Петровича Мусоргского. Издание оказалось столь ценным, что наша страна купила у Великобритании... права на публикацию шедевра своей же музыки.

С этого эпизода Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, народный артист СССР Евгений Евгеньевич Нестеренко начал свой рассказ, адресованный читателям «Труда». Рассказ о парадоксах памяти, а точнее, о непростоительно небрежном отношении к наследию М. П. Мусоргского — нашей национальной гордости и славе.

— Поначалу, не скрою, испытывал я удовлетворение: вот ведь и в Англии почитают за честь изучить, распространить произведение русского гения. А потом боль душевная пронизала: неужто у нас до сей поры не нашлось специалистов, способных проделать эту работу?

Боюсь, что подробности судьбы Модеста Мусоргского многим из нас не столь хорошо известны, как того хотелось бы. На пути из прошлого в настоящее почему-то незаметно растеряли мы способность преклоняться перед великими своими предшественниками, трудами которых культура наша получила такое признание... Иными нашими соотечественниками, как, например, Мусоргским, не устают восхищаться мир, а мы позволяем себе если не забвение их, то равнодушие. Нет за рубежом ни одного крупного театра, где не шли бы оперы Мусоргского, причем неизменно с успехом. Для всего человечества он стоит как русский композитор на первом месте.

Между тем уже при жизни сказано было о нем: «Это Шекспир в музыке». Уже сказано было: принадлежит Модест Петрович к числу тех, кому потомки воздвигнут монументы.

Теперь мы близимся к 150-летию Мусоргского. Выпадает оно на март будущего года. И думаю: как встретим, чем отметим эту дату? Не получится ли, как со столетием со дня кончины композитора? Тогда, в 1981 году, ограничились немногим: дали «Бориса Годунова» в Большом театре, по телевидению показали фильм. В результате двухмесячного уламывания директора Московской филармонии, требовавшего доказательств, что это необходимо, провели цикл концертов. А в Милане в тот же год устроили фестиваль произведений Мусоргского. Театр Ла Скала играл «Бориса Годунова», «Хованщину», «Женитьбу», «Сорочинскую ярмарку». В тамошней консерватории исполнили и записали на пластинку незаконченную Мусоргским оперу «Саламбо», до которой у нас руки так и не дошли. Прозвучали практически все романсы и песни Модеста Петровича, состоялись международная конференция и выставка...

Обидно сравнивать. Обидно вдвойне, втройне при мысли, что не Италия — Россия главный герой его творчества. «Сколько свежих, нетронутых искусством сторон кишит в русской натуре, ох, сколько! и каких сочных, слavnых!» — не переставал удивляться Мусоргский — автор сочинений, родившихся, по словам современников, «на родных полях и вскормленных русским хлебом». Почему же мы не благовоим перед земляком, который, по свидетельству брата композитора, «в отроческих и юношеских годах и уже в зрелом возрасте всегда относился ко всему народному и крестьянскому с особенной любовью, считал русского мужика за настоящего человека»? Разве безразлична нам его неутомимость в сбережении духовных наших истоков? Вспомним страстное письмо Римскому-Корсакову, пожелавшему встретиться с Мусоргским в связи с планируемым сборником русских народных песен:

«Пребольшое мне утешение Ваша задача, друг, передать русским людям и иным русскую песню. — Благословенная, историческая заслуга. Ведь пропасть она могла, родная, стереться все; а когда подумаешь, что умелый русский взялся за такое святое дело, так радуешься, и утешение нисходит. Не за-

будьте, что при участии науки сближение народностей есть аксиома, их взаимное познание тоже аксиома».

У нас, к стыду нашему, нет и ни одной мемориальной доски, посвященной Мусоргскому. Правда, решение Совета Министров РСФСР о памятнике было: стоять ему на Псковщине, на территории музея-заповедника — в родных местах композитора. Однако прежнее руководство области не спешило выполнить это решение, многие годы оспаривало оно выбор топографической точки для скульптуры, сделанный авторитетной комиссией. Проволочку

суть томов музыки, переложенной Мусоргским, изученной им, пропущенной «через себя». Скажем, музыка Бетховена, Берлиоза, Балакирева, которую Модест Петрович переложил для фортепьяно. (Гигантский труд, отменная школа, какую не каждый композитор прошел!).

Судьбе волю было вывести Модеста Петровича на тропу первопроходца, поручить ему прокладывать неизвестные пути в музыке нередко без поддержки друзей и соратников. Он настолько опережал свое, и будущее время, что и мы, признавшие композитора, не решимся утверждать, будто до

Разговор с читателем

Евгений
Нестеренко:

ЕЩЕ НЕ ОТДАНЫ ДОЛГИ

мотивировали тем, что, оказывается, деревня Карево, где появился на свет композитор, «бесперспективна» и, по стратегическим расчетам представителей власти, исчезнет с лица земли. Разве не кощунство? В сознании всех, кому дорога история нашей культуры, маленькая деревенька эта занимает не меньшее место, чем, допустим, большой город Зальцбург, где родился Моцарт.

Ныне положение поправлено — Карево сохранится, будет застроено. В трех километрах отсюда, в Наумове — усадьбе матери Мусоргского, существует музей, начало которому положили сельские учителя Качнов и Богданов. Теперь он государственный. Разработана программа реставрации и развития заповедника — поистине сказочного уголка, возвращающего нас к глубинным источникам творчества Модеста Петровича. Смотришь на сад, спускающийся к Жижецкому озеру, и невольно всплывает в памяти песня Мусоргского «Понад Доном сад цветет». Подходишь к холму и озаряешься догадкой: вот откуда возникла «Ночь на Лысой горе»!

Лишившись Карева, отечественная культура лишилась бы, образно говоря, ключа, позволяющего открыть двери в ту природную «лабораторию», где начинался таинственный, непостижимый процесс, завершившийся в конце концов взлетом творческого вдохновения. Таково мнение многих, а среди них Георгий Свиридов, Святослав Рихтер, Нина Дорлиак, Ирина Архипова, Елена Образцова, Владимир Минин...

Сегодня мы пожинаем, как это ни парадоксально звучит, горькие плоды укоренившейся в нас иждивенческой привычки, обретшей четкую формулировку: дело движется энтузиастами! Энтузиастами — да. Вот недавно прочитал рукопись журналиста из Великих Лук Николая Новикова, предпринявшего исследование и нашедшего десятки интереснейших документов, связанных с Мусоргским. Но не странно ли, что никогда этих документов не касались музыковеды, уверенно писавшие о Модесте Петровиче, хотя ни разу не посетили его родных мест?

И все-таки хочу поделиться радостью — к юбилею затеяно издание полного академического собрания сочинений Мусоргского, куда войдет все, буквально все, написанное композитором. Редколлегия во главе с Георгием Васильевичем Свиридовым взяла на себя нелегкую миссию. Ведь только то, что начертано рукой Модеста Петровича, займет ориентировочно 18 томов, где будут и восемь — де-

конца поняли его творчество. Он все еще впереди нас.

Не откажу себе в удовольствии познакомить вас с таким эпизодом. Будущий академик и нобелевский лауреат И. П. Павлов в молодости встречался с М. П. Мусоргским. После представления «Бориса Годунова» Павлов сказал: «В сцене смерти Бориса дается клинически точная картина смерти от грудной жабы». То есть — от стенокардии. И это тоже — о музыке, силе, выразительности ее средств...

Выше я говорил о памятнике, о мемориальной доске — привычных и традиционных знаках благодарности за то, что сделал Мусоргский для своего народа и культуры в целом. Но все-таки главная благодарность — в музыке звучащей. К сожалению, и тут нас легко упрекнуть. Если «Борис» и «Хованщина» вошли в репертуар довольно прочно, то «Сорочинская ярмарка» только претендует на такое же внимание, а неоконченная «Женитьба» почти не исполняется. Модест Петрович написал солидный том романсов, песен, небольших пьес. И каждая изумительна, каждая — жемчужина, которая украсила бы репертуар любого артиста. Исполняются же совсем немногие.

Нет, что ни говорите, а наследие Мусоргского мы освоили весьма поверхностно. Предстоит огромная и в общем-то бесконечная работа, чтобы в какой-то степени постичь всю глубину творений одного из гениальнейших композиторов России и мира. В той же Италии, в городе Мессина я пел в концертном зале, где на стене — фамилия Мусоргского, обрамленная золотым венком. В Милане намерены назвать его именем улицу.

А у нас, хочу спросить, есть ли улица Мусоргского? В городе на Неве, где он написал почти все свои сочинения? В Москве, куда приезжал лишь однажды, но оставил «Рассвет на Москверек» — прекраснейший гимн столице?

Нет такой улицы. Где уж упомянуть о нем в чехарде переименований?.. Нет памятника. Нет даже театра имени Мусоргского. Лет двадцать назад был проведен первый и, к сожалению, последний всесоюзный конкурс, в финале которого обозначили: имени М. П. Мусоргского. Нет именно его стипендии.

Должны быть! С этим словом о Мусоргском я обращаюсь не только к миллионам читателей «Труда», но и к мастерам искусств страны, к творческим союзам и объединениям, общественным организациям. К министерствам культуры РСФСР и СССР. Год с малым отделяет нас от юбилея достойнейшего из сынов Отечества — великого художника-новатора. Срок короткий, но достаточный, чтобы делом доказать — и память, и гордость наши действительны, безмерно глубока благодарность человеку, когда-то сказавшему:

«Я разумею народ как великую личность, одушевленную единою идеею»...

Монолог записал
В. ЛИАНОЗОВ.